

М. ШТРАУХ

Эйзенштейн снимает «Октябрь». Из дневников

(Запись бесед, обработка и систематизация материалов О. Ульяновой)

Дневники, записки, письма, фотографии... Их накопилось множество в архиве Максима Максимовича Штрауха, одного из первых исполнителей роли Владимира Ильича на сцене.

Максима Максимовича связывала большая творческая дружба с выдающимся мастером советского кинематографа Сергеем Михайловичем Эйзенштейном¹. Он участвовал в создании фильмов «Стачка», «Броненосец «Потемкин», «Октябрь», «Старое и новое». Работа над «Октябрем» особенно знаменательна, ибо тогда советские кинематографисты впервые пытались создать экранными средствами образ Ленина. Интересно, что в то время М. Штрауху, ассистенту режиссера, а сегодня одному из выдающихся советских актеров, довелось готовить типажного исполнителя роли Ленина.

Надо сказать, что литература об эйзенштейновском «Октябре» не так уж мала. Но сегодня, в дни Ленинского юбилея, нам особенно дороги и интересны каждый новый штрих, каждая новая деталь этой значительной страницы советского искусства, заложившей начало Кино ленинианы. Итак, Максим Максимович просматривает слегка тронутые временем бумаги, подсказывающие памяти события, даты, людей, и вспоминает...

— Вот эта дневниковая запись датируется 1926 годом, когда мы на юге России снимали натуру для «Генеральной линии»*. Тогда после грандиозного успеха «Броненосца «Потемкин» почти не было сомнений в том, что фильм, посвященный десятилетию Октября, будет поручен именно Эйзенштейну. И когда летом 1926 года юбилейная комиссия ЦИК СССР действительно поручила этот фильм нам, мы были горды и воодушевлены оказанным доверием. Отправляясь в конце года на съемки «Генеральной

* Картина, которая впоследствии получила название «Старое и новое».

линии» в Баку, Ростов-на-Дону и Мугань, мы уже везли с собой многочисленную литературу об Октябрьской революции. Как говорится, худа без добра не бывает. Целый месяц на Мугани, где должна была сниматься «тракторная массовка», стояла непогода. И это давало нам возможность серьезно готовиться к «Октябрю». Длинными вечерами мы изучали привезенный материал; в Ростове дождливыми днями обсуждали примерную структуру будущей картины...

С энтузиазмом, заражая всех кругом, готовился к съемкам Эйзенштейн. «Октябрь» — это была его *кровная* тема. Обратите внимание на содержание фильмов и пьес, которые Сергея Михайловича увлекали. В театре Пролеткульта он поставил две пьесы Сергея Третьякова²: «Слышишь, Москва», написанную в связи с революционными событиями в Германии, и «Противогазы» — из жизни рабочих одного уральского завода. В кино он снял «Стачку» — фильм о революционном движении в России; событиям 1905 года посвящен «Броненосец «Потемкин». И, наконец, «Октябрь». Так что этот фильм был закономерным звеном в цепи творческих исканий выдающегося мастера.

Вначале картина рисовалась перед Эйзенштейном, как грандиозная эпопея, охватывающая множество исторических событий — от февральских дней до штурма Зимнего дворца и II съезда Советов. И далее — становление власти и эпизоды гражданской войны. Мы упорно продолжали изучать невероятное количество литературы. В одной из дневниковых записей я тогда пометил:

«Октябрь» благополучен в смысле материала. Ибо литература «Октября» непомерно велика. Такие книги, как «Десять дней, которые потрясли мир», «Летопись революции», «Народные массы в революции» и другие, переходили из рук в руки, изучались нами подробнейшим образом; синие, красные, черные пометки, кресты, галочки, восклицательные знаки усеивали поля книг...»

Эти пометки свидетельствуют о напряженном для нас времени. Потом начался период длительных и подробных обсуждений сценариев в разных инстанциях: это было понятно, если учесть значимость картины и то, что в ней впервые должен был быть показан Владимир Ильич Ленин.

«31 января. Сами прочитывали вслух монтажные листы, переведенные на литературный лад. Стали ужимать — Эйзенштейн выбросил сцены саботажа и укрепления власти, они будут лишними после взятия Зимнего. По существу, они могли бы быть прологом к новому фильму.

Эдуард* сам хлопочет о визе и лицензии на новый аппарат. Дали лицензию очень быстро. Шведчиков** рассердился: «Хорошо, теперь я буду знать, что наши сотрудники обделывают дела, минуя нас». Эдуард сгоряча нагрубил. Эйзенштейн ездил улаживать инцидент.

В начале февраля пошли в художественный совет Совкино обсуждать сценарий. Перед этим его раздали на руки. Были Бляхин⁵, Туркин⁶, Кожуро***, Шкловский⁸, Всеволод Иванов⁹ и другие товарищи».

Конечно, это не стенографическая запись выступлений, а мои беглые заметки, записанные в блокнот «на ходу».

«Бляхин. Чересчур много событий. Есть опасность хроникальности. Бесперывные бои — не притупятся ли нервы? Вторая часть — «железный поток»****, там начинает чувствоваться сюжет, а начало — это хроника.

Туркин. Митинговый, приподнятый стиль, роднящий с Вертовым¹⁰. Материал режиссер еще сильнее почувствует во время работы. Хочется, чтобы появление Ленина было сделано более четко».

«11 февраля. Читка и обсуждение «Октября» в правлении Совкино. Были: Мальцев¹¹ (из агитпропа ЦК), Шведчиков, Ефремов*****¹², Грюнфельд¹³ (бывший секретарь Красина¹⁴), Бляхин (ушел перед обсуждением), Трайнин^{6*15} и мы.

Трайнин. Это прекрасная поэма. Исторически подробно и не надо делать. Нужно сузить масштабы — то, что написано в либретто, не охватить. Нужно найти стержень. Скажем: война, приезд Ленина, крестьянство, Октябрь. Мы можем дать ощущение эпохи. Всю же историю мы дать не сможем. Каждый кадр должен жечь.

Мальцев. Нужно закончить Октябрем, а то впечатление от картины будет снижено. Первая и вторая части хороши, дальше идет слабее. Октябрь нужно дать как начало мирового Октября. Показать интеллигенцию, которая не саботировала. Передать сильнее влияние партии. Надо показать бегство буржуазии. Что дал Октябрь? — мир, землю. В чем смысл? — был раб — стал хозяин.

Шведчиков. Вначале Эйзенштейн сказал, что слушайте и представляйте себе все время зрительно, как все это будет. Вот я сейчас думал образами, и у меня этих образов получилось на семь фильмов. Будет перебор. Надо сократить.

Эйзенштейн. Октябрь — не апофеоз, а исходная точка.

Но все решительно высказываются за сокращение».

* Эдуард Тиссэ³ в это время доставал заграничный аппарат и оптику для съемок нового фильма.

** К. М. Шведчиков⁴ — ответственный работник Совкино.

*** А. Е. Кожуро⁷ — редактор Совкино.

**** Имеется в виду нереализованная вторая часть сценария. Опубликовано в «Искусстве кино», 1957, № 10.

***** М. П. Ефремов — заместитель председателя Совкино.

6* И. П. Трайнин — работник Совкино.

Действительно, Эйзенштейн был ненасытен. Он настолько увлекался, что забывал иной раз о возможностях восприятия зрителя. Так было в «Стачке», так, с моей точки зрения, получилось и с «Октябрем». Он стремился вовлечь публику в круг своих ассоциаций и метафор. Для этого необходимы были усилия со стороны зрителя, на которые последний не всегда бывает согласен.

«8 марта. К 12 часам пошли в ЦК ВКП(б) в агитпроп к Кнорину¹⁶. Он завагитпроп и председатель агитзрелищной комиссии по подготовке празднования 10-летия Октября при Президиуме ВЦИК СССР. Было заседание. Присутствовали: Кнорин, Подвойский¹⁷, Коган*¹⁸, Шведчиков, Пельше¹⁹ и другие. Перешли к читке нашего «Октября». Подвойский что-то энергично записывал. Мы даже испугались. Я написал С. М. записку: «Придется, видимо, с Подвойским вечерком посидеть, обсудить». Читка кончилась. Пельше слушал весь сценарий, закрыв лицо руками. Потом тряс Эйзенштейну руку, говорил — это меня очень волнует.

Кнорин сказал: «На вас возлагается большая ответственность. (Подвойский с места: «Это будет потруднее “Потемкина”!) Вам оказывается партией большое доверие».

Подвойский согласился ехать в Ленинград с Эйзенштейном осматривать места. Потом добавил: «Вы знаете — я настойчивый, так что вы со мной не спорьте! Лучше слушайте, а потом не делайте. И записывайте всегда, так у меня будет впечатление, что меня слушают». Уходя, закрычал на всю приемную: «Эйзенштейн! Будь готов!»

Очень хочется вспомнить добрым словом Николая Ильича Подвойского. Поразительный был человек — представитель ленинской гвардии! Он был членом Комиссии ЦИК СССР по празднованию 10-летия Октябрьской революции и нашему фильму уделял очень большое внимание, оказывал неоценимую помощь — был в полном смысле слова энтузиастом его. Мы с ним сдружились и очень его полюбили. Много раз приезжал он к нам в Ленинград, где проходили сложнейшие съемки. Подвойский буквально поднял на ноги весь город. Я вспоминаю многочисленные собрания, которые он созывал в Выборгском районе, на Путиловском заводе, в военной академии имени Толмачева, общегородское собрание участников Октябрьского восстания и т. д., где выступал с горячими речами, призывами помогать созданию юбилейного фильма. Он убеждал всех и каждого в важности и значимости этого дела. На некоторых собраниях Н. Подвойского оркестры встречали даже тушем — ведь он был в Октябрьские дни председателем Петроградского военнореволюционного комитета. У меня в архиве сохранилась беглая запись одного из горячих, взволнованных выступлений Николая Ильича, названного «За кино-Октябрь».

* Коган П. С. (1872–1932) — ученый-литературовед.

«Правительство выделило специальную комиссию при ЦИК СССР для подготовки празднования десятилетия Октябрьской революции, этого величайшего праздника, к которому мы уже сейчас должны готовиться. Лозунгом этого дня и подготовки к нему должно быть не «для масс», а наоборот: сами массы должны проявлять наибольшую активность и изобретательность, которые отразили бы народное творчество...

Юбилейная комиссия при ЦИК СССР придает большое значение созданию кинофильма на тему «Десять дней, которые потрясли мир», который уже снимается в Ленинграде.

Если в Ленинграде ему будет оказана должная поддержка и результаты будут соответствовать замыслу, тогда можно будет считать, что сделано большое революционное, культурное дело, будет выполнена боевая организационно-пропагандистская задача. Умрем мы, умрут наши дети, но эта картина должна существовать. Она будет постоянно напоминать всем поколениям о тех героических днях и месяцах, которые прожил рабочий класс Питера. Эта картина должна по замыслу пережить нас, должна войти в историю глубже, чем многие произведения искусства, потому что в ней будет сконцентрирована величайшая эпопея классовой борьбы. Наша задача: передать существо, понимание Октября самим народом в наглядной форме. И лучше всего это можно сделать через киноэкран. Но чтобы создать такой киноэпос, нужна большая общественная поддержка. Все должны прийти на помощь этой картине словом и делом.

Пусть не будет ни одного человека и Ленинграде, который, если ему дорого увековечение Октябрьских событий, в той или иной форме не помог бы созданию картины «Октябрь».

За общественную поддержку «Десяти дням, которые потрясли мир»!
За кино-Октябрь!»

Тысячи людей откликнулись на призыв создателей «Октябрь». У нас были интереснейшие беседы с поразительными людьми ленинской гвардии большевиков, с революционерами, с рабочими. Эти встречи были для нас великолепной политической школой. Галерея людей, их судеб, поступков и характеров давала интереснейший материал для фильма. Посыпались сотни писем с предложениями принять участие в съемках картины или содержащие какие-либо сведения о событиях тех лет.

«М. М. Штраух!

В редакции «Ленинградской правды» меня известили, что Вы ищете человека похожего на покойного тов. Володарского²⁰. Если сможете, то будьте в своем номере, я заеду ровно в 2 часа дня.

С приветом

брат покойного тов. Володарского

Лев Володарский²¹».

Сохранилось у меня большое письмо из Кронштадта от заведующего почтовотелеграфным отделением П. Лукьянова²², который в 1917 году служил механиком Главного телеграфа Российских телеграфных сообщений в Петрограде:

«Материал к новой фильме «Октябрь». Уважаемый гр. Эйзенштейн. Я узнал из газет, что Вами составляется новая и ценная картина Совкино «Октябрь», ввиду чего я счел своим долгом сообщить Вам некоторый подлинный материал Октябрьской революции...»

На письме сбоку резолюция Эйзенштейна: «Штрауху. На усмотрение».

Связь с Н. Подвойским мы поддерживали постоянную и самую тесную, даже когда его не было в Ленинграде. В его архиве сохранились два моих письма к нему.

«Уважаемый Николай Ильич!
Дела наши налаживаются. На этой недели сняли “Аврору”. Снимали ее двое суток. Выстрелы вышли на славу.
Привет от всей группы.
С товарищеским приветом
Штраух
18/V-27 г.
Ленинград».

«Ленинград
13 июня
пл. Урицкого
Уважаемый Николай Ильич!
Пишу со съемки, ибо Вас вчера не мог застать для условленных разговоров.

- 1) Съемка прошла благополучно. На пятерку!
- 2) Нам предстоит еще трудности съемок событий «3 июля».

Для этого нужно: остановка движения днем на углу Невского и Садовой на 4–5 час. и получение рабочих из районов для съемки в количестве 1000–1500 чел. (Лучше всего, я думаю, это удастся сделать с тт. Кадацким²³ и Гаазе²⁴.)

Разводка мостов (Николаевского или Дворцового) тоже днем.

3) Просить т. Саакова²⁵ разрешения еще раз на получение войск из лагерей (в меньшем количестве, чем на «Штурм»).

Прошу Вас дать свои советы по этим вопросам, как лучше сделать, к кому обращаться? Может, можно получить заручку из Москвы от юбилейной комиссии? К кому обращаться в Ваше отсутствие из юбилейной комиссии в Москве? Прошу также сообщить Ваш точный адрес в Железноводске.

Очень просим Вас, Николай Ильич, ответить на эти наши вопросы.

Думаем, что все Ваши хлопоты искупятся 7 ноября.

Товарищеский привет от всей группы. Желаем хорошо «починиться» и отдохнуть.

М. Штраух

Простите за неряшливость почерка и письма, но я пишу на стене дома во время киносъемки».

Вообще в фильме не было занято ни одного актера за исключением Бориса Ливанова²⁶ в роли министра Временного прави-

тельства Терещенко²⁷. Все остальные большие и маленькие роли исполнялись непрофессионалами. Я до сих пор продолжаю поражаться огромному мастерству Эйзенштейна по части лепки образов, создания человеческих характеров. Поражаться результатам, которых он достигал с людьми, не имевшими никакого актерского образования.

Основой фильма Эйзенштейна были исторические события. Есть, мне кажется, два пути их изображения в искусстве. Можно взять группу людей, к примеру, или семью, и в жизни этого микромира, как в капле воды, отразить событие — показать, как оно влияет на судьбу, настроение, чувства и мысли каждого отдельного человека. Это один путь. А можно взять это же событие целиком, показать во всем его размахе, во всей грандиозности и видимой динамике. В своих первых фильмах Эйзенштейн шел именно этим путем. Поэтому его фильмы населены так густо. Каждый персонаж появляется на экране ненадолго, ровно настолько, чтобы передать общее событие. Типаж одним кадром должен предъявить свой паспорт. Как мы говорили тогда: не лицо, а целое мировоззрение.

Это трудоемкое и сложное дело — подбор типажей и работа с ними — входило в мои обязанности. И тут приходилось проявлять много настойчивости и изобретательности. Что только я не предпринимал, куда только не совал свой нос, чтобы обеспечить «Октябрь» исполнителями. Вот я вижу запись в дневнике.

«12 апреля. Ищем Керенского²⁸ и Чхеидзе²⁹. Дали даже объявление в газете».

«14 апреля. Завтра снимаем голодную очередь у хлебного магазина. Нет худых лиц! Был даже в туберкулезном диспансере. Нужны худые дети. Нет таких! Есть, может, и худые, но выражение лица веселое — нутро проглядывает — нет грустных глаз! Был на бирже труда в женском отделении... Ну, женские лица мы закутаем, прикроем платками.

Вчера один хороший натурщик на офицера отказался участвовать в съемке. Я поехал сам рано утром к нему. Даже надел новый галстук, воротничок, роговые очки. Подействовало — согласился! О, эти роговые очки и пенсне. Я их снимаю и надеваю смотря по обстоятельствам: к кому и куда иду.

Составил список, когда надевать очки. Где хорошо действуют: в публичной библиотеке, в Эрмитаже, во время визита к родственникам министра Временного правительства Некрасова³⁰. На биржу труда или в ночлежный дом нельзя — заключают. В ресторан тоже нельзя — просят много на чай».

Типаж искали и подбирали везде: на улицах, в трамваях, в учреждениях, на собраниях... Это было целое искусство. Ибо найти, отобрать — это еще полдела. Дальше начиналось главное — уговорить сниматься. Или уговорить сниматься ночью, или уговорить

побрить усы, или доказать, что сниматься в кино не противоречит Евангелию, или сниматься в шубе, когда стоит июльская жара...

Однако очень быстро выяснилось, что ног моих не хватает для того, чтобы бегать по городу в поисках людей. Я взял себе в помощники Колю Гордеева³¹, а к нему в придачу — мотоцикл с коляской. Так мы и носились по Ленинграду из одного конца в другой. Конечно, это мне облегчило работу, но не полностью. Потому что, найдя нужного человека и заручившись его согласием на съемку, получив его адрес для уведомления, когда прибыть, я все же был не в силах всех запомнить — ведь их были целые сотни! Тогда мы с Гордеевым решили вооружиться фотоаппаратом и делать снимки. Это тоже не всегда сходило гладко — подозревали, что мы из угрозыска.

Получились великолепные фотодокументы, которые мы наклеивали в конторскую книгу.

Вот эта продолговатая адресная книга необычайно дорога мне.

О ней можно написать целое исследование! На первой странице рукой Эйзенштейна написано: «Октябрь». Книга начата 18 апреля 1927 года.

Это была фототека, куда вклеивались небольшие фотографии, записывались фамилии и адреса тех, кого мы собирались снимать в фильме «Октябрь». Эти люди не были актерами, они разыскивались по городу, заносились в эту книгу по группам. Рукой Эйзенштейна записаны такие разделы: буржуазия, второй съезд, громилы, дети, Зимний, интеллигенция, Красная Гвардия, крестьяне, костры, лакеи, лабазники, матросы, неопределенные, юнкера, офицеры, обыватели, партийцы, рабочие, солдаты, 3 июля, ударницы, унтера, члены Временного правительства и т. д.

Около некоторых фотографий Эйзенштейн делал пометки. В рубрике «ударницы» можно прочесть: сестра милосердия, в пару с Марианной, бельевая, меняет портянки на бильярде, у «Весны» Родена, дура и т. д.

Труднее всего было разыскать исполнителей на роли участников II съезда Советов — целый актовый зал Смольного. Найти всех участников президиума. Лица должны были обладать портретным сходством. Перед нами с самого начала съемок возник труднейший вопрос, о котором мы непрерывно думали: как воспроизвести на экране образ Ленина? Где найти исполнителя? Кепка и галстук для будущего исполнителя были уже приобретены — это были первые расходы по картине. Киноискусство сталкивалось с новой проблемой воплощения образа вождя... Если не считать двух случаев. Как известно, в 1919 году в Тбилиси армянская труппа после обычного спектакля показала один раз сценическую картину «Апофеоз»: Ленин стоял в окружении рабочих.

А спустя пять лет самостоятельный коллектив курсантов военной школы имени ВЦИК показывал в Кремле пьесу «Гибель самодержавия». В одном из эпизодов Ленин обращался к рабочим.

Это были скорее статические воспроизведения, так называемые «живые картины». Никто даже не представлял себе возможности художественного воплощения образа Ленина на экране. В те времена задача казалась совершенно невыполнимой. И все же Сергей Эйзенштейн отважился на первый шаг.

Начались поиски людей, внешне похожих на Ленина. Я вспомнил о своем бывшем сослуживце по Красной Армии С. Ишкове³² и попробовал с ним грим. По сохранившейся фотографии можно судить, что первая проба получилась неплохой, но поиски все же продолжались. Вот что я записал тогда в дневнике:

Для «Октября» нашли человека, очень похожего на Ленина. Никандров³³. Фото показывали другим. Говорят: «Здорово!» Проверили на детах. Те сразу — «Ленин!»

Никандров — бывший мастер уральского завода. Можно ли снимать в художественном фильме Ленина?

Впрочем, этот вопрос был уже для нас решенный. Мы не мыслили фильма без Ленина. Решили: лучше Никандрова, пожалуй, не сыщешь.

Его дочь недавно прислала мне биографию Василия Николаевича Никандрова. Может быть, она представляет интерес.

«Отец родился 30 января 1869 года. Сын рабочего токаря, он также был токарем по металлу, работал на петербургских заводах: на заводе франко-русском (впоследствии «Марти»), на Путиловском заводе (теперь им. Кирова), у бывшего Лестнера.

Женат был на ткачихе. Семья была очень большая. Детей — семь человек. Отец был единственным кормильцем, и жизнь была очень трудной. И все же отец занимался революционной деятельностью, был одним из организаторов первого союза металлистов. Квартира, где проживала наша семья, была «явочной». В ней часто проходили собрания кружка, чтение революционной литературы. Во время таких сходов старшие дети Алексей, Анна и Евдокия организовывали около ворот патрулирование.

В конце 1915 года отец с семьей переехал на Урал в город Лысьву, где работал на военном заводе. Там и застала его революция. В первые же дни организации Красной Гвардии отец вместе с сыновьями Алексеем и Павлом вступили добровольцами в ее ряды и ушли воевать против Колчака³⁴, участвовали в партизанском движении.

В 1918 году из армии его перевели на работу в губчека Перми. К тому времени уже всюду появились портреты Владимира Ильича Ленина, и все были поражены сходством.

В 1919 году через губчека его перевели работать на Северный Кавказ. Но в 1920 году по состоянию здоровья ему пришлось уйти из органов чека и перейти на инвалидность.

В 1927 году режиссер Эйзенштейн пригласил его сниматься в историческом фильме «Октябрь» в роли Владимира Ильича Ленина. Отец счел это за великую честь.

После съемок в Ленинграде он вернулся в Новороссийск, занимался общественной работой, был депутатом Горсовета.

Когда началась Великая Отечественная война, здоровье его было уже подорвано, к тому же он к этому времени ослеп. 28 февраля 1944 года отец умер.

Никандрова Е. В.³⁵»

Мне было трудно готовить Никандрова к съемкам.

Содержание всего фильма «Октябрь», работа над его воплощением — все это явилось хотя и нечаянной, но необходимой и полезной формой подготовки к созданию на сцене и на экране образа Ленина.

Но все же подчеркиваю, что в то время я и представить себе не мог, что через десять лет мне придется самому взяться за столь ответственную работу. Инициатива в этом деле всецело принадлежала в театре — И. Петрову³⁶, в кино — С. Юткевичу³⁷.

Н. К. Крупская³⁸, со своей стороны, не высказала никаких возражений (между прочим, ошибочно писалось, что Никандрова перед съемками показывали Надежде Константиновне и Марии Ильиничне³⁹). Просмотр фильма «Октябрь» состоялся на коллегии Наркомпроса, где присутствовали Н. Крупская, А. Луначарский⁴⁰ и другие.

Эйзенштейн записал у себя в дневнике: «Крупская осталась очень довольна». Широкий зритель с интересом воспринимал появление на экране образа Ленина. Эйзенштейн, используя технические приемы кинематографа, сделал появление Ленина в фильме очень выразительным и динамичным. Интересно вспомнить, что Эдуард Тиссэ 25 мая 1919 года снимал как оператор-хроникер Владимира Ильича на празднике Дня Всеобуча.

Работа над «Октябрем» потребовала огромных усилий — тысячи участников, занятых в съемках. Сотни портретов — образов. Сохранилось великое множество записок, продиктованных Эйзенштейном, куда заносились детали, которыми полон фильм и которые давали ему аромат достоверности. Вот, некоторые из них:

«Люстра дрожит от аплодисментов. У Смольного машины работают. Завести моторы, дать гул улья у Смольного».

«Штатские вожди с портфелями бегают между солдатами».

«Часы у Ильича с ключиком».

«Дать накопление знамен в зале II съезда Советов».

«Мерная поступь», «Революционный держите шаг». «Марш Красной гвардии».

«В спальню А. Ф.*⁴¹подкову».

«Сделать фигуру американской свободы из масла».

(Царскими кондитерами для Керенского был приготовлен торт, на котором возвышалась статуя свободы из крема. Эпизод был снят, но не вошел в фильм.)

«Разбитое окно и подоконник для стрельбы». «Быт Зимнего. Юнкера в пенсне и очках. Бородки».

«В сумерках назревает решимость. Непрерывная смена людей у костров».

«Подвоз амуниции к кострам. Приносят “еду” — физическую и моральную».

«Монтировать георгиевцев с обручками античных статуй. Для сего надо снять один пассаж юнкеров через соответствующий зал».

«Царизм в пустых костюмах. Развал гардеробов показать как “придворный бал” — так раскидать костюмы. Треуголки. Атласные костюмы. Затем мундиры с эполетами. Атласная роба и фата».

«Дать волнение членов правительства тем, что снимать их и монтировать все время впереплет то за длинным столом, то за круглым. Не столько их, сколько стаканы на убыстрении (реакция на сообщение Синегуба⁴²)».

«Трактовки. Сильно дать оборону “твердыни” статическую. И отчаянную энергию защиты и ненависть в перестрелке. Тема трупов и мумий. Небрежение и безразличие к правительству».

«Тема. Поведение правительства. Заседают, завтракают, уговаривают, нервничают. По малахитовому залу. Окаменело ждут. Поворот всех разом».

«Ящики с пасхальными яйцами. Ящик с орденами «Слава русского оружия».

«Октябрь» содержит 3300 кадров, и каждый из них был разработан с предельной точностью, обдуман до самых незначительных мелочей.

Мало времени занимает на экране, например, эпизод свержения памятника Александру III, а сколько с ним пришлось возиться! Вот что было записано у меня в дневнике:

«28 марта. Не могли найти свидетелей валки памятника Александру III. Нашли с трудом архитектора Осипова⁴³, который руководил вал-

* Александра Федоровна — последняя русская царица.

кой. Части до сих пор находятся в подвалах храма Христа Спасителя. Мы — туда! Замок с печатью 1918 года: «Народный комиссариат охраны памятников искусств». Пыль. Проволока проржавела. Замок пришлось перепиливать — так заржавел. Водили по катакомбам. Пыль. Памятник состоит из 200 частей. Не все могли втащить. Орел, например, остался на улице. В подвале нашли голову. Валили допотопным способом — веревкой и «дубинушкой».

В итоге соорудили из папье-маше полную копию памятника и засняли валку. Документальность эпизода привела к курьезному случаю. В ЦГАЛИ СССР долгое время хранилась фотография с надписью: «Москва 1918 г. Снятие памятника Александру III у храма Христа Спасителя». Позже в название этой фотографии внесли поправку: «1927 г. Момент съемки кинофильма “Октябрь” режиссером С. Эйзенштейном». И случай подобного рода был не единственным. Часто кадры из эйзенштейновского фильма принимались за подлинный исторический документ. Мы на это не обижались, наоборот — гордились.

Эйзенштейн думал о картине буквально круглые сутки. Как из рога изобилия, сыпались разнообразные режиссерские замыслы, начиная от трактовок целых сцен и кончая мельчайшими деталями.

Очень сложны были съемки штурма Зимнего. 14 апреля мы предприняли генеральный осмотр Зимнего дворца, облавив все его этажи и закоулки и сделав подробный перечень всех помещений. Я занес в дневник результаты осмотра.

«Ленинградцы наверняка не знают, что такое Зимний. Это материал, на котором можно построить целый фильм. Мы, естественно, на нем сделали большой упор.

Зимний совершенно исключителен по своей структуре. Здание в разрезе — это классовое разделение на слои. С нижним слоем рабочих помещений, с парадными комнатами варварской пышности на втором этаже, личных покоев, наконец, чердаков и крыши, по краю которой расставлены статуи здоровых баб и бородатых дядей, идиотски глядящих вдаль.

Подвойский долго, путем расспросов пытался установить ту «ахиллесову пятую», то место, через которое просочилась первая горстка храбрецов в утробу Зимнего, пока не нашел полуподвальное окно с тяжелыми ставнями, прямо глядящее на мостовую Зимней канавки (сколько раз она фигурировала в «Пиковой даме» и наконец первый раз явится ареной других событий).

Здесь незадолго до штурма кучка красногвардейцев и матросов (восемь человек) просочилась катакомбами Эрмитажа и Зимнего на чердаки и оттуда бросила бомбу.

Лезем через это окно.

Подвалы. Электростанция на весь Зимний. Змеями бегут толстые провода, неся с собой электричество длинными, темными и кривыми коридорами, чтобы миллионами свечей загореться в парадных комнатах верха.

Весь этот коридорный низ напоминает средневековье. Сыро, мрачно, темно, гулко.

И вдруг оазисом среди этого каменного мрака попадаетея жилой угол, где живут истопники. Это какие-то древние старички, живущие здесь десятками лет, чтобы нести свет и тепло в помещения их величеств.

Камни, камни — и вдруг жилой угол. И самовар на столе шипит, и диваны е черной клеенкой, и лампада перед иконой.

Рядом — отопление. Это громадные печи с тяжелыми чугунными дверями-заслонками. Даже на заслонках — корона! Слушайте! 1000 пудов угля в день жрали эти печи, чтобы отопить громады Зимнего.

Дальше. Татарский подвал. Приплюснутые своды большого гулкогo помещения. И здесь, в этом каменном мраке, тоже жили люди.

Наконец винные погреба. Тысячи бутылок лежат здесь и ждут своей очереди, чтобы омыть царственные глотки и кишки. В специальных стойках-решетках, каждая в своем гнездышке, красуетея неизмерное количество бутылок с редчайшими винами. Мох, наросший на стекле и ярлыках, говорит о цене и давности розлива.

Второй этаж. Парадный этаж. Белый мрамор Иорданской лестницы. Императорское золото. Черные сюртуки Временного правительства. И серые шинели. Золото и шелк. Шелк и золото. Люстры. Самые разнообразные люстры. Темный коридор, где говорил речь министр Коновалов⁴⁴. Малахитовый зал, где последним заседанием заседало Временное правительство. Павильонный зал. Лазарет в залах. Ротонда — круглая зала. При показе Зимнего в сценах штурма дворец ощущается как застывшая, старорежимная сила.

Третий этаж. Личные покои. Библиотека Николая II. Спальня Александры Федоровны с 300 иконами и 200 фарфоровыми яичками на стенах. Мещанским ситцем затянута мебель. Такую комнату современник психически не перенесе бы. Она невыносима.

Наконец, бассейн, где полоскался Николай II. По стене — голубое море с корабликами. Библиотека Николая II — здесь разместился Керенский. Все это наполнено такими предметами, которые нужно обсосать, каждый в отдельности.

И вдруг... коровы на третьем этаже. Специальное молоко для фрейлин!!! Что называется, «коровы на дому». Зимний насчитывает 125 одних уборных.

Под всей крышей — причудливые чердаки.

Громаднейшая крыша кроет весь этот дворец. Вся она пересечена переходами с перилами. Крыша, с точки зрения крестьянина, — это четыре десятины пахотной земли.

Громадный дворец в тысячу с лишним комнат. Когда ворвались в него и бежали по комнатам, ища Временное правительство, то уставали бежать. Бегут-бегут, присядут, посидят-покурят, опять бегут дальше. Ворвавшиеся долго блуждали в этих анфиладах. Вроде «кошки-мышки».

Увиденный материал поражает Эйзенштейна, провоцирует, дает толчок к работе и выдумке. Иногда история сама заботится о комедийных деталях. Что Зимний защищали ударницы, женский батальон, это как будто специально придумано для кинокомедии.

То, что после выстрелов вокруг Зимнего правительство пошло вниз одевать галоши и шубы и так продолжало потом заседать, — это тоже действительный факт, вычитанный из газет того времени.

Съемки штурма Зимнего разрабатывались, как настоящая военная операция. И первое слово здесь было за участниками и очевидцами. Периодически организуемые Истпартом воспоминания участников Октябрьской революции посвящались специально Смольному и взятию Зимнего. Николай Ильич Подвойский приехал из Москвы для разработки плана. В 306-м номере «Европейской гостиницы», где мы жили, несколько раз собирались наиболее активные участники. В горячих обсуждениях и даже спорах устанавливалась каждая деталь. Некоторые признавались: «В те часы и минуты была такая суматоха и такое волнение, что трудно установить все подробности». Подвойский говорил: «Я не помню, как лез через баррикады, ибо здесь применимо лишь одно выражение — все буквально летели через штабеля дров!»

На некоторых собраниях мы уже не задавали вопросов, а сидели, усердно слушая и записывая. И эти споры давали нам больше, чем иная книга. Горячие обсуждения будили память о давнишних событиях, и перед нами постепенно оживал штурм Зимнего.

Небезынтересно здесь привести следующую справку о составе и масштабе массовок в сцене штурма Зимнего.

Штурм Зимнего

Адмиралтейство, Невский	Арка	Певческий, Миллионная
12 июня		
600 матросов 300 солдат 100 рабочих	300 матросов 100 солдат 700 рабочих	100 рабочих 100 солдат 250 рабочих 250 солдат
13 июня		
300 матросов 100 солдат 100 рабочих	200 матросов 100 рабочих 500 рабочих	200 солдат 200 рабочих
14 июня		
300 рабочих 75 удар- ниц	300 солдат 200 матросов	100 юнкеров
15 июня		
300 матросов 100 рабочих 100 солдат	800 рабочих 300 матросов 100 солдат	250 рабочих 250 солдат

Адмиралтейство, Невский	Арка	Певческий, Миллионная
16 июня		
100 матросов 30 ударниц	100 рабочих 100 солдат	100 юнкеров 100 юнкеров
17 июня		
300 рабочих	200 матросов 100 солдат	
18 июня		
150 рабочих	100 матросов 50 солдат	

Штурм Зимнего дворца снимался около недели. Этот грандиознейший эпизод превосходил по размаху знаменитую сцену на одесской лестнице в «Потемкине».

Съемки требовали, конечно, огромной организационной подготовки.

Вспоминаю первую ночь: основная точка съемки была расположена под квадригой коней на арке Генерального штаба. Вторая ночь — точка съемки сместилась на мостовую под арку.

Третья ночь — главный съемочный пункт находится прямо в центре Дворцовой площади у колонны, с которой на все происходящее в растерянности взирал печальный ангел.

Много лет спустя попалась мне статья Жоржа Садуля⁴⁵, в которой он справедливо писал, что Эйзенштейн «получил в свое распоряжение бывшую столицу, все ее население, сокровища царей, свидетельствующие о вкусе и безвкусице, чтобы все это послужило его безграничной фантазии». И в самом деле — фильму оказывали помощь все партийные и общественные организации Ленинграда.

Так были осуществлены грандиозные по тем временам эпизоды штурма Зимнего, так удалось добиться достоверности, граничащей с документом. На трубочном, подковном, Балтийском, металлическом, Путиловском заводах, на «Треугольнике», в старом адмиралтействе и на других предприятиях создавались группы участников «штурма». Это помогло Эйзенштейну решить сложнейшую творческую задачу — раскрыть средствами искусства роль народных масс, их участие в революционных событиях.

Это качество фильма отметила после просмотра Надежда Константиновна Крупская, написав об «Октябре»: «...чувствуется при просмотре фильма «Октябрь», что зародилось у нас, оформляется уже новое искусство — искусство, отображающее жизнь масс, их переживания... У этого искусства колоссальное будущее. Фильм «Октябрь» — кусок этого искусства будущего. В нем много прекрасного...»